

Виктор ЛЯПИН

Родился в 1959 году в городе Кстове Нижегородской области. Окончил Литинститут имени М. Горького (семинар Е.М. Винокурова) и журфак МГУ. Работал футболистом, журналистом, помощником мэра, дворником, сторожем.

Автор двух сборников стихов и нескольких сборников пьес. Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Нижний Новгород», «Урал», в альманахах «Поэзия», «Истоки» и «Земляки». Участник ряда российских и международных театральных фестивалей. Пьесы поставлены в театрах России, Германии, Украины, Испании, Белоруссии, Казахстана, Чехии, Австралии, Албании.

Живет в Кстове.

...ГДЕ В СПЕЛЫХ КОЛОСЬЯХ РАСТЁРТА ЗВЕЗДА

* * *

Опять покатают сердце до Казани
лощёные колёса лопухов,
и бабочек с павлиньими глазами
сметёт в траву от волжских сквозняков.

И склоны обожгутся молочаем,
и гладь реки, сверкая серебром,
великолепьем ястребов и чаек
отметится за солнечным столом.

И так бы жить – без смуты, без тревоги,
где гулко бредит вязью медных слов
церквушка в синем платье недотроги
на празднике своих колоколов.

* * *

Немеркнувший свет заповедного края,
в котором струится тугая гроза
и жмётся под крышу рябина сырая
с испугом и нежностью в детских глазах.

Из хлещущей ночи, из шума размывов,
из вырванных с корнем прибрежных берёз,
из сладких пророчеств, из песен унылых,
их странных, прозрачных, чарующих слёз –

к лазурным стрекозам, к заволжским озёрам,
к палаткам, согретым костром на заре,
к заросшим молчальникам, чьим разговорам
положен запрет до скончания рек,

к простору, плывущему раннею птицей
на север, за море и дальше – куда? –
над рожью, что в божьих руках колосится,
где в спелых колосьях растёрта звезда.

* * *

Луга достигли возраста услад,
животворя неявиною тайной,
и тысячи кузнечиков трубят
о страшной плоти первого комбайна.

И кружат, словно вестники, шмели
над клеверовой, пьющей солнце чашей,
и сладкий дух исходит от земли,
где капли земляники крови краше.

И жаворонкам в гнёздах – рай и ад:
орут, где – скошен – ряд ложится споро,
и в бездну беспощадную летят
под заповедным взглядом комбайнёра.

* * *

В сосновых шишках, в яблоках, в трещотках,
в растерзанных дионисийских чащах,
и в багрецах, покрашенных нечётко,
и в золоте, что моет ключ урчащий, –

необъяснима осени лавина,
взметнувшая в закат одним дыханьем
снежь облаков и луга сердцевины,
сор берега и лодок колыханье.

И кружит пёс, томим осенней мукой,
в коврах листвы пустынного приречья –
в коврах свиданья, ставшего разлукой,
в коврах разлуки, ставшей жданной встречей.

* * *

Излуки, луки рек
в туманы вплетены.
Вновь побережье снег
засыпал до весны.

И все покрыто льдом –
до света в фонарях;

и лиственниц подол
усыпан в снегирах.

И свясла развязав,
сноп снега сыплет в нас,
нетленен, несказан
в агатах твоих глаз.

Простив, что всё прошло,
приняв, что не сбылось,
дрожит снег твоих слов,
кружит снег твоих слёз.

* * *

Род твой небесный – огонь-вода,
верб серо-дымчатый взмах ладоней,
с дальнего берега краснотал,
чайки, дежурящие в затоне.

Музыкой таешь, свечой горишь,
манишь Синильгой в свой плен глубокий,
...сердце реки одеваешь в тишь,
в ив неоттаявших поволоки.

Снежной шугою вплетаешь в плоть
нити прощаний, чей свет нерезок,
вплоть до основ, до разрыва в плоть –
пламень сырой облетевших фресок.

Некто стоит на твоей горе –
в старой шубенке и смотрит строго:
много ль молчания в серебре,
так ли заря над рекой убога?